

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Средиземноморье

ОСТРОВ КОРФУ

**ПОСЛЕДНИЙ
БАСТИОН
ВИЗАНТИИ**

**Евгений
СТАРШОВ**

Всемирная история (Вече)

Евгений Старшов

**Остров Корфу – последний
бастион Византии**

«ВЕЧЕ»

2024

УДК 94(41/39)

ББК 63.3(0)

Старшов Е. В.

Остров Корфу – последний бастион Византии / Е. В. Старшов —
«ВЕЧЕ», 2024 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-9101-6

Остров Корфу – самый северный из всех греческих островов. Среди иных греческих земель и островов Корфу уникален тем, что только на него никогда не ступала нога турецких завоевателей. Точнее, ступала, но это приводило к позору грозной армии Блистательной Порты. Здесь сохранилось множество православных святынь, пусть латинско-венецианская оккупация (XII–XVIII вв.) и привела к появлению своих особенностей жизни местной церкви... Кого только не видели его каменистые берега! Корфу владели (или хотели и пытались овладеть им) греки, диадохи – наследники Александра Македонского, иллирийцы, римляне, норманны, крестоносцы, сицилийцы, анжуйцы, венецианцы, турки, французы, англичане... Штурм Корфу 1799 г. и освобождение его от французских оккупантов навсегда связали историю острова с именем славнейшего русского адмирала Федора Федоровича Ушакова. Но история острова настолько разнообразна, что готова предложить интересующий сюжет на любой вкус. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(41/39)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4484-9101-6

© Старшов Е. В., 2024

© ВЕЧЕ, 2024

Содержание

Предисловие	7
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Старшов Остров Корфу – последний бастион Византии

© Старшов Е.В., 2024

© ООО «Издательство «Вече», 2024

* * *

*Посвящается светлой памяти моей Мамы – Альбины Федоровны
Старшовой (1947–2017)*

Предисловие

Остров Корфу – самый северный из всех греческих островов; правда, сами греки называют его Керкира, так как название «Корфу» восходит к временам средневековой венецианской оккупации и потому православными греками не очень любимо. Среди иных греческих земель и островов Корфу уникален тем, что только на него никогда не ступала нога турецких завоевателей. Точнее – конечно же, ступала, но каждый раз только к военной славе корфиотов и позору грозной армии Блистательной Порты. Этим и объясняется чрезвычайное изобилие на острове христианских святынь – мощей, икон и др.: по мере того как гибла Византия, греки свозили свои святыни на еще остававшуюся свободной от османов Керкиру. Без преувеличения Корфу можно назвать островом святых: на нем почивают тела святителя Спиридона, Тримифунтского Чудотворца и блаженной византийской императрицы Феодоры, восстановительницы иконопочитания (843 год); там были погребены святые апостолы Иасон и Сосипатр, прибывшие на остров с проповедью нового религиозного учения; в храмах и монастырях острова имеются частицы мощей святых Николая Чудотворца, Пантелеимона, Лазаря Четверодневного, Параскевы, Екатерины, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Иакова Персянина и многих иных. Латинско-венецианская оккупация острова (XII–XVIII вв.), естественно, несколько ограничивала права православных (например, им было запрещено строить купольные церкви византийского типа), но ведь прочим грекам под турками жилось еще хуже. Интересно, какое влияние оказала западная культура на жизнь местной Церкви: храмы возводились в итальянском стиле, иконопись носит смешанные черты византийского стиля и итальянского Ренессанса, а православное Богослужение донныне отправляется под звуки органа.

Но история Корфу настолько разнообразна, что готова предложить интересующий сюжет на любой вкус. Историк Фукидид оставил описание керкирской революции 427 г. до н. э., когда народ в союзе с рабами истребил предателей-аристократов, сторонников Коринфа. Удачное расположение острова на своеобразном «перекрестке» торговых путей, разумеется, делало его лакомым куском для многих завоевателей. Кого только не видели его каменистые берега! Корфу владели (или хотели и пытались овладеть им) греки, диадохи – наследники Александра Македонского, иллирийцы, римляне, норманны, крестоносцы, сицилийцы, анжуйцы, венецианцы, турки, французы, англичане... Штурм Корфу 1799 г. и освобождение его от французских оккупантов навсегда связали историю острова с именем славнейшего русского адмирала Федора Федоровича Ушакова. Последний факт требует сейчас особо пристального внимания и анализа, поскольку западная тенденция перевернуть и переписывать историю дошла, к несчастью, и до Корфу, и теперешние продажные «акулы пера» представляют подвиг русских моряков, проливших кровь свою за освобождение греков-корфиотов от разбойной оккупации революционных французов, как подавление принесенных грекам наполеоновцами Свободы и Просвещения. Подлинные документы и свидетельства того времени показывают ясно всю ложь современных злоязычных клеветников, расставляя все по своим надлежащим местам, отображая разбой и насилие французов и искреннюю помощь греков русским, которые избавляли их от так ныне называемых «освободителей» и «просветителей». Поэтому последняя треть книги носит несколько иной, более полемический характер, и для доказательства точки зрения автора привлечен обширный пласт документов, который вряд ли представлял бы собой такой объем, если было бы потребно просто рассказать о походе Ушакова. Но зато, как надеется автор, ему удалось развенчать некоторые мифы, особо укоренившиеся как в зарубежной, так и в отечественной историографии. К примеру, операция по освобождению Ионических островов от французов вовсе не носила характер оккупации с «прицелом» на использование Корфу как военно-морской базы русского флота: чуть позже (в 1804 г.) так оно и оказалось, но это была не идея царя Павла, и исполнена она была не честным адмиралом Ушаковым.

Читатель увидит, сколько сил и бескорыстных трудов положил адмирал на то, чтоб наладить грекам самоуправление и создать их собственные вооруженные силы. Другой разбитый начисто миф – о турецких союзниках адмирала, якобы ничего не делавших. Османский адмирал Кадыр-бей был преданным и верным соратником Ушакова, и турки также проливали свою кровь за освобождение корфиотов от французов; на первой отбитой у французов батарее острова Видо – «Ключа от Корфу» – взвился османский флаг! Еще один развенчанный миф – о том, что практически лишь при помощи кораблей, почти без сухопутных сил, Ушаков овладел Корфу. И это не так. Помимо русских и турецких десантников (порядка 3 000 человек при штурме Видо и Новой крепости), двух заранее сооруженных артиллерийских батарей, обстреливавших крепости Корфу, за союзников во время осады действовали 4 250 албанцев, число которых адмирал настойчиво требовал увеличить до 12 000! Причем в своих обращениях к русским и турецким чиновникам и албанским пашам адмирал неоднократно подчеркивал, что с одними кораблями он никак не сможет взять крепости, но только блокировать остров. Также ошибочно опубликованное утверждение, что Ушаков покинул Корфу в июле 1800 г. по указу Павла, порвавшего с антифранцузской коалицией; адмирал повел корабли в Черное море по причине их полной ветхости и острейшей необходимости в ремонте, а майский царский указ получил лишь в конце августа, находясь уже у Константинополя. Неверно распространенное утверждение о совместном протекторате над Ионическими островами Турции и России – по документам 1800 г. последняя отказалась от такового, препоручив все дело Блистательной Порте. Все это читатель найдет в этой книге.

На освобождении Корфу от французов и завершится наше повествование об истории острова (дальнейшие события будут просто бегло упомянуты, поскольку интересы автора обычно не простираются на Новое время; в данном случае он и так «забрался» вплоть до рубежа XVIII–XIX вв.). Ни в коем случае не являясь путеводителем, книга все же отразит отдельную информацию по достопримечательностям Корфу – обычно в большей или меньшей связи с излагаемыми историческими событиями.

Низкий поклон благодарности автор оказывает блестящей плеяде почивших русских и советских переводчиков, чьи переводы золотого фонда античной и средневековой исторической литературы стали поистине хрестоматийными – Василию Ивановичу Долоцкому (1814–1885), Федору Герасимовичу Мищенко (1848–1906), Сергею Петровичу Кондратьеву (1872–1964), Соломону Яковлевичу Лурье (1890–1964), Георгию Андреевичу Стратановскому (1901–1986), Якову Николаевичу Любарскому (1920–2003), Михаилу Абрамовичу Заборову (1920–1987), Михаилу Леоновичу Гаспарову (1935–2005) и иным. Благодаря им историки Античности, Византии и латинского Запада заговорили понятным для нас языком, и без их титанических трудов не было бы очень многих исторических работ, по крайней мере в их существующем виде – и данной тоже. Автор присоединяется к скромным словам Исаака Ньютона: «Я стоял на плечах гигантов». Впрочем, сложить мозаику из отдельных частиц – это тоже искусство, а анализ «ушаковских» документов, надеемся, избавит автора от упрека в компиляторстве.

Часть 1

Керкира – своевольная дочь Коринфа

Глава 1

Мифологические сведения об острове

Можно по-разному относиться к мифам: исследовать ли их в поиске вселенских истин (что само по себе дело не очень благодарное и могущее завести незрелый ум в такие дебри, из которых он потом долго не выберется), выявлять отраженные в них очень отдаленные исторические события, прочие свидетельства о которых до нас не дошли, либо же познавать, как один из аспектов древней культуры, очевидно одно – они не заслуживают того, чтобы их вовсе игнорировать или относиться совсем уж как к сказке. Поэтому, при всей их наивности, они будут здесь приведены, относительно прокомментированы, а уж какой из них толк добудет читатель – про то ему одному ведомо.

Сам по себе остров Корфу невелик и довольно узок – 60 км длины и от 4 до 34 км ширины. Сейчас модно представлять его в виде выгнувшейся в стремительном плавании русалки с распущенными волосами – и отчасти определенная схожесть имеется; однако в представлении древних Керкира (как далее в этой части по преимуществу мы и будем называть этот остров; еще вариант – Коркира) была не чем иным, как легендарным адамантовым серпом, как минимум трижды участвовавшим в кровавых междоусобных конфликтах богов.

Итак, керкирская мифология идет с самого что ни на есть начала. Гесиод (VII–VIII вв. до н. э.) пишет в своей поэме «Теогония» («Происхождение богов»): «Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом // Широкогрудая Гея (Земля. – Е.С.)... Гея же прежде всего родила себе равное ширью // Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду // И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных; // Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных; // Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе, // Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши // Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий...» – и еще великое множество богов, божеств, чудовищ и т. д. «Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном, // Были ужасны и стали отцу своему ненавистны // С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился, // Каждого в недрах Земли немедленно прятал родитель, // Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался. // С полной утробой тяжело стонала Земля-великанша. // Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело. // Тотчас породу создавши седого железа, огромный // Сделала серп и его показала возлюбленным детям, // И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душой: // «Дети мои и отца нечестивого! Если хотите // Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство // Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил». // Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали. // И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный, // Смелости полный, немедля отвечив матерям милым: // «Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я. // Мало меня огорчает отца злоимянного жребий // Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил». // Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская Гея. // В место укромное сына запрятав, дала ему в руки // Серп острозубый и всяким коварствам его обучила. // Ночь за собою ведя, появился Уран и возлег он // Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду // Распространился кругом. Неожиданно левую руку // Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный // Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро // Член детородный и бросил назад его сильным размахом». Это, как толкует известный историк философии А.Н. Чанышев, явилось началом космического зла: «Под впечатлением этого космического преступления Нюкта-ночь рождает

одна, не восходя ни с кем на ложе, Обман, Сладострастие, Старость, Смерть, Печаль, утомительный Труд, Голод, Забвение, Скорби, жестокие Битвы, судебные Тяжбы, Беззаконие и т. п.». Такова, если можно так выразиться, философская сторона мифа.

Историческую озвучивает греческий ученый Периклис Хаджикириакос; однако прежде обратимся вновь к Гесиоду, чтобы проследить дальнейшие трансформации отсеченного органа: «Член же отца детородный, отсеченный острым железом, // По морю долгое время носился, и белая пена // Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене // В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным, // После же этого к Кипру пристала, омытому морем. // На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою – // Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой, // [«Пенорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной] // Боги и люди зовут, потому что родилась из пены. // А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала, // «Кипророжденной», – что в Кипре, омытом волнами, родилась. // [Также любезной мужам, раз от члена мужского родилась.] // К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня. // Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный. // С самого было начала дано ей в удел и владенье // Между земными людьми и богами бессмертными вот что: // Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы, // Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий». Так вот, Хаджикириакос пишет: «Оставляя в стороне космогоническую символику кастрации неба, можно предположить, что вся эта сцена связана с жертвенными ритуалами, созданными по образцу священного брака и жертвы кастрации царя-священника, приносимой, дабы обеспечить плодородие земли».

Греко-римский ученый Страбон (ок. 64 г. до н. э. – ок. 23 г. н. э.) в своей «Географии», являющейся неоценимым кладом целого свода античных знаний, приписывает создание серпа Кроноса тельхинам: «В прежние времена Родос назывался Офиуссой и Стадией, затем Тельхинидой по имени поселившихся на острове Тельхинов. Последних одни считают колдунами и волшебниками, которые поливали водой Стикса, смешанной с серой, животных и растения, чтобы их погубить; другие же, напротив, утверждают, что поскольку они сами были искусными мастерами, то возбуждали к себе зависть со стороны соперников по ремеслу и поэтому получили дурную славу. Тельхины сначала пришли с Крита на Кипр, а затем на Родос; они первыми стали выработывать железо и медь, и серп Кроноса их работы». Археолог Мария Мавроматаки так пишет о них: «Тельхины – первые обитатели Родоса. Тельхины воспитали на своем острове Посейдона, который затем женился на их сестре Галии. От этого союза родились 6 сыновей и дочь Родос. Однажды произошел ужасный потоп, и тельхины покинули место своего обитания. Там осталась только Рода, давшая имя острову, после того как Гелиос взял ее в жены и остановил потоп. Однако тельхины не смогли больше возвратиться на Родос, поскольку там утвердились потомки Гелиоса – Гелиады. В представлениях древних греков тельхины были грозными демоническими существами, похожими на людей, змей и рыб и жившими как на суше, так и на море. Тельхины были знакомы с колдовством и могли осушать землю и воду, выжигать растения, вызывать... потопа... Тельхины были также искусными мастерами, замечательными кузнецами, которые впервые занялись обработкой меди и железа... Конечно же, тельхины тщательно хранили тайны своего искусства, почему смертные и считали их волшебниками, обладавшими сверхъестественной силой».

Так или иначе, алмазный серп (историки полагают, что алмазом древние греки стали называть впервые полученную ими сталь) стал грозным оружием в руках олимпийских небожителей и использовался еще как минимум дважды. В первый раз – в связи с убийством стоглазым великаном Аргусом змеяевы титаниды Ехидны (оговоримся сразу, что греческих преданий о Ехидне – превеликое множество, и читателям предлагается лишь один из них). По Гесиоду, она – дочь морских божеств, Форкия и Кето (а также сестра Горгон, о которых см. последнюю главу первой части): «Кето ж в пещере большой разрешилась чудовищем новым, // Ни на людей, ни на вечноживущих богов не похожим, – // Неодолимой Ехидной, божественной,

с духом могучим, // Наполовину – прекрасной с лица, быстроглазую нимфой, // Наполовину – чудовищным змеем, большим, кровожадным, // В недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным. // Есть у нее там пещера внизу глубоко под скалою, // И от бессмертных богов, и от смертных людей в отдаленье: // В славном жилище ей там обитать предназначили боги. // Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна, // Гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах. // Как говорят, с быстроглазую девою той сочетался // В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный. // И зачала от него, и детей родила крепкодушных». Среди этих исчадий – знаменитые Немейский лев и Лернейская гидра, побежденные Гераклом, укрощенный им же Цербер, Химера, Сфинкс; еще в этот список заносят колхидского дракона – стража золотого руна, Сциллу и т. д. Естественно, этот «конвейер чудищ» надо было как-то ликвидировать. Сложность заключалась в том, что Ехидна сочетала в себе смертную – драконью – и бессмертную – божественную – природы, и таким образом не могла быть уничтожена, скажем так, обычным путем. И серп Крона оказался именно тем оружием, которое было способно рассечь две природы Ехидны и, таким образом отделив смертное от бессмертного, умертвить ее целиком. Верный слуга богини Геры, стоглазый великан Аргус, получил от хозяйки серп Крона и убил змедеву. Однако и сам он затем принял смерть от того же оружия – его обезглавил бог Гермес за то, что великан по поручению ревливой Геры охранял превращенную в корову Ио – любовницу бога Зевса, супруга Геры. Вот Зевс и послал своего лукавого сына освободить Ио. Как описывает Овидий (43 г. до н. э. – ок. 17 г. н. э.) в первой книге «Метаморфоз», тот усыпил Аргуса при помощи снотворной трости и долгих разговоров, а потом видит, что «...Все посомкнулись глаза, все очи от сна позакрылись, // Тотчас он голос сдержал и сна глубину укрепляет, // Тростью волшебной своей проводя по очам изнемогшим. // Сонный качался, а бог незаметно мечом серповидным // Арга разит, где сошлись затылок и шея, и тело // Сбрасывает, и скалу неприступную кровью пятнает». Затем Гермес бросил страшное оружие в море, чтоб больше никто не смог им воспользоваться – и так образовался остров Керкира, имеющий форму серпа (есть пара иных версий по поводу местонахождения алмазного серпа, но нам интересна эта, от Аполлония Родосского (ок. 295–215 гг. до н. э.); недаром одно из древних названий острова – Дрепани (в переводе с греческого δρεπάνι либо δρεπανον – опять же, серп).

Диодор Сицилийский (90–30 гг. до н. э.) так пишет в своей «Исторической библиотеке» о происхождении более известного названия острова: «У Океана и Тефии было множество сыновей, давших свое имя рекам, в том числе Пеней и Асоп. Пеней обитал в Фессалии, где дал свое имя текущей там реке. Асоп же поселился во Флиунте и женился на Метопе, дочери Ладона, от которой у него было два сына – Пеласг и Исмен и двенадцать дочерей – Керкира и Саламина, а также Эгина, Пирена и Клеона, кроме того Фива, Танагра, Феспия и Асопида и еще Синопа, а с ней Орния и Халкида... Керкира была унесена Посейдоном на остров, названный ее именем Керкира. Она родила от Посейдона сына Феака, от которого получили свое название феаки. Сыном Феака был Алкиной, доставивший Одиссея на Итаку» (та же версия в сочинении Павсания (ок. 110 – ок. 180 гг. н. э.) «Описание Эллады»). Прежде чем заняться Одиссеем вплотную, отметим еще пару моментов. Первый – что, по одному из вариантов, именно Керкира стала местом знаменитой гигантомахии – борьбы богов-олимпийцев и змееногих гигантов – порождений мстительной Геи (сюжет, известный по многим античным произведениям искусства, в первую очередь – Пергамскому алтарю). Второй связан с пребыванием на Керкире аргонавтов, возвращавшихся из своего знаменитого похода за золотым руном, о чем писал Аполлоний Родосский в 4-й песне своей «Аргонавтики».

Дело в том, что поначалу может создаться впечатление некоторой путаницы, ибо у Аполлония получается упоминание сначала Керкиры (с эпитетом «Черная»), «...Керкиру они проехали (как-то // Дочь там Асопа бог Посейдон дивно-кудрую деву // Поселил, Керкиру, вдали от пределов Флиунтских, // Полюбив, ее страстно). Тот остров, чернеющий, с моря // Видят

всегда мореходы густым затененный весь лесом, // А потому и Керкирой зовут его, островом «Черным»...» – а потом эта Керкира начинает различаться от Феакиды, под которой имеется в виду, опять же, Керкира. Ясность вносит только Страбон, поскольку Черная Керкира – один из малых островов перед иллирийским берегом вместе с Аписиртидами, Кириктикой, Либурнидами, Иссой, Трагурием и Фаросом; «наша» же Керкира (под названием Коркира) показывается Страбоном перед эпирским берегом вместе с Сиботой. Разобравшись с этим, возвращаемся к Аполлонию и Феакиде. Гера Ириде говорит, чтоб та отдала приказание Эолу – богу-повелителю ветров – «чтоб он успокоил // В воздухе ветры, и пусть ни один из ветров не волнует // Моря пучин... Веет пусть одного лишь Зефира дыханье // К Феакиде пока они не придут Алкиноя». Потом Керкира явно предстает, как Феакиды: «Остров один существует, – цветущий, большой, пред заливом // Он распростерт Ионийским среди Керавнийского моря, // И молвь идет: под ним серп лежит (вы простите, о, Музы, // Что древний сказ передам, хоть берет меня нехоть!), которым // Член детородный ссек у отца Крон жестокий. Другие ж // Говорят, что Део это серп, подрезающий колос. // В той земле когда-то давно ведь Део проживала // И сжинать хлебный злак из любви научила к Макриде (еще одно прозвание Керкиры – от μακρὸν, что значит длинный. – Е.С.) // Там и Титанов она... (очевидно, в тексте пропуск. – Е.С.) Потому «Серпом» и зовется // Остров, пестун святой Феакийцев, – они ведь и сами // Род свой от крови Урана ведут, мужья Феакийцы. // И Арго после многих трудов, перед тем понесенных, // По ветру к ним пришел, Фринакийское море покинув. // И Алкиной и народ жертвой встретили всех сердцу милой, // Ласково их приняв, и весь град полон был ликованья». Вместе с аргонавтами на Керкиру прибыли и колхи, хотевшие забрать Медею, но та умолила о заступничестве царицу Арету, жену Алкиноя. Царь надумал – если Медея девственна – вернуть ее отцу, если нет – оставить Ясону. Так как молодых людей об этом заранее по-дружески уведомила Арета и до «официального» выноса решения царя у них была в запасе ночь, им ничего не оставалось, как быстрым порядком, в пещере, оставить колхов ни с чем; а на острове потом Медея устроила алтари в благодарность Мойрам – богиням судьбы, и нимфам, в пещере которых и произошел брак Медеи с Ясоном. Павсаний делает следующее интересное добавление в своем «Описании Эллады»: «У эллинов есть поэма, называемая «Навпактии»; в ней написано, что после смерти Пелия Ясон из Иолка переселился в Коркиру и что старший сын его, Мермер, во время охоты на противоположном материке был растерзан львицей».

Но, конечно же, прочнее всего Керкира ассоциируется с островом феаков (феакийцев) Схерией, куда, согласно поэме Гомера (VIII в. до н. э.) «Одиссея» был выброшен бурей после 10 лет скитаний знаменитый Одиссей, царь острова Итаки, герой Троянской войны. Сюжет широко известен, поэтому буквально пара слов – потерпевшего очередное кораблекрушение скитальца встречает царская дочь Навсикая, отводит во дворец отца, царя Алкиноя, где его радушно привечают; Одиссей первоначально хотел сохранить «инкогнито», однако выдал себя, когда царский эпический певец-аэд начал воспевать подвиги героев под Троей. Тогда Одиссей рассказал и о своих злоключениях (обратим внимание на один интереснейший момент, что вся фантастика поэмы – лестригоны, циклопы, превращения, спуск в царство мертвых, сирены и т. д. – не прямой авторский текст Гомера, а... всего лишь рассказ бывалого путника на пиру).

Можно было бы привести большое количество цитат с описанием города феаков и роскошного дворца Алкиноя, однако здесь, пожалуй, придется читателя несколько разочаровать, поскольку это были бы вовсе не описания Керкиры. Э.Д. Фролов справедливо указал в своей работе «Рождение греческого полиса», что Гомер использовал в описании города феаков хорошо ему знакомую малоазийскую Смирну (откуда он, предположительно, был даже родом), и этот тезис убедительно развила М.Ю. Лаптева в книге «У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э.», дополнив его, что описание собственно дворца Алкиноя соответствует дворцам современных Гомеру азиатских владык; сам поэт видеть их не мог, но Смирна, расположенная на берегу моря и являвшаяся важным торговым центром Эгеиды,

разумеется, была полна людей, в первую очередь – купцов, которые вполне могли рассказать ее обитателям о варварской роскоши, к примеру, ассиро-вавилонских властителей, иудейских царей, да и поближе были примеры – фригийские и лидийские цари. Так что Схерия в описании Гомера – это гибрид малоазийского ионийского города, в котором стоял месопотамский дворец.

Однако само ее географическое положение близ Итаки и свидетельства еще времен Античности (см. выше, например, цитаты из Страбона и Диодора Сицилийского, да и идентификацию Аполлония Родосского острова царя Алкиноя с «Серпом»), не говоря уж о народных преданиях, возраст которых указать трудно, единодушно свидетельствуют в пользу того, что Гомер имел в виду именно Керкиру. Та же народная молва связывает с данным эпосом несколько мест на острове. Первое – Эрмонэс, на западном побережье Керкиры, практически напротив одноименного города и столицы острова – Керкиры, расположенного на берегу восточном. Якобы к Эрмонэс и прибило потерпевшего кораблекрушение Одиссея после отплытия с Оигии – острова нимфы Калипсо. Логично, если учесть, что Одиссей направлялся на родину с запада (остров чаровницы Калипсо большинством «гомероведов» ныне относится к берегам Марокко – не случайно, видимо, режиссер Кончаловский в своей экранизации «Одиссеи» сделал нимфу темнокожей; будем надеяться, что он это осуществил не из полоумной западной толерантности, «благодаря» которой теперь даже королева Англии Маргарита Анжуйская, жена Генриха VI, в сериале «Пустая корона» по историческим хроникам У. Шекспира представлена негритянкой). Правда, кое-кто (и среди них – известнейший византийский историк Прокопий Кесарийский (м. 490 и 507 – после 565 г. н. э.) стремится видеть Оигию в одном из близрасположенных с Керкирой трех островов Дапондии – Нисие – Отони; всерьез заниматься опровержением этой версии мы не будем, поскольку в этой главе все наши расследования и заключения являются чисто умозрительными (кому же в ум взбретет самоотверженно доказывать существование Оигии именно у берегов Марокко, да еще с нимфой на ней!), однако скептически заметим, что, живи Одиссей рядом с Керкирой, от которой и до Итаки рукой подать, вряд ли он усидел бы там 7 лет. Прокопий пишет в своей «Войне с готами»: «Начиная от пролива Харибды вплоть до Керкиры, не встречается ни одного населенного острова, так что я, не раз бывая тут, недоумевал, где же здесь мог бы находиться остров Калипсо. В этом море я нигде не видал ни одного острова, кроме трех, находящихся недалеко от земли феаков, так приблизительно на расстоянии трехсот стадий, близко один от другого, очень небольших; на них нет ни поселений людей, нет животных и вообще ничего другого. Эти острова называются теперь Отонами. И можно было бы сказать, что тут была Калипсо и потому-то Одиссей мог достигнуть феакийской земли, как находящейся не очень далеко, или на плоту, как говорит Гомер (Одисс. V, 33), или каким-либо другим способом без всякого корабля. Но да будет мне дозволено сказать об этом так, как мне представляется. Говоря о древнейших событиях, нелегко все передать с такой точностью, чтобы оно соответствовало истине, так как долгое время не только обычно меняет имена местностей, но по большей части и предания, связанные с этими местами».

Место встречи Одиссея с Навсикаей «оспаривает» Палеокастрица, расположенная немного севернее Эрмонэс. Имеющиеся там монастырь и византийская крепость еще дадут возможность вернуться к этому месту при более серьезном разговоре, пока же завершаем мифологическую часть тем, что та же Палеокастрица претендует еще на один сюжет из «Одиссеи» – об окаменевшем корабле феаков, сначала доставившем Одиссея на родину, но по возвращении к Схерии обращенном в камень разгневанным богом морей Посейдоном – давним преследователем царя Итаки. Гомер пишет: «Но земли колебатель, // Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею, // Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой // К Зевсу: «О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами // Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы, // Смертные люди, хотя и божественной нашей породы; // Ведал всегда я, что в дом

свой, немало тревог испытавши, // Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращения //
 Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой. // Ныне ж его феакийцы в своем корабле
 до Итаки // Спящего, мне вопреки, довели, наперед одаривши // Золотом, медью и множе-
 ством риз, драгоценно-сотканых, // Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи // Он
 не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился». // Гневному богу отвечивший
 туч собиратель Кронион: // «Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель; // Ты ль
 не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший, // Старший и силою первый не чтим был
 от младших и низших? // Если же кто из людей земнородных, с тобою не равных // Силой
 и властью, тебя не почитит, накажи беспощадно. // Действуй теперь, как желаешь ты сам, как
 приятнее сердцу». // Бог Посейдон, колебатель земли, отвечал Громовержцу: // «Смело б я
 действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б // Силы великой твоей и тебя раздражить не
 страшился; // Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея // В землю его прово-
 дивший и морем обратно плывущий, // Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали //
 Всех провожать; и горою великой задвину их город». // Гневному богу отвечивший так Гро-
 мовержец Кронион: // «Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет, // Если (когда подхо-
 дящий корабль издали увидят // Жители града) его перед ними в утес обратишь ты, // Образ
 плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо // Всех изумило; потом ты горою задвинешь их
 город». // Слово такое услышав, могучий земли колебатель // В Схерию, где обитал феакийский
 народ, устремился // Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался // Быстро.
 К нему подошел, колебатель земли во мгновенье // В камень его обратил и ударом ладони
 к морскому // Дну основанием крепко притиснул; потом удалился. // Шумно словами крыла-
 тыми спрашивать стали друг друга // Веселюбивые, смелые гости морей феакийцы, // Глядя
 один на другого и так меж собой рассуждая: // «Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль
 быстроходный, // К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно». // Так говорили они,
 не постигнув того, что случилось. // К ним обратился тогда Алкиной и сказал: «Феакийцы, //
 Горе! Я вижу, что ныне сбылось все то, что отец мой // Мне предсказал, говоря, как на нас
 Посейдон негодует // Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно. // Некогда, он
 утверждал, феакийский корабль, проводивший // Странника в землю его, возвращался морем
 туманным, // Будет разбит Посейдоном, который высокою горою // Град наш задвинет. Так мне
 говорил он, и все совершилось. // Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам: // С
 этой поры мы не станем уже по морям, как бывало, // Странников, наш посещающих град,
 провожать; Посейдону ж // В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость //
 Он преклонился и града горой не задвинул великой». // Так он сказал, и быков приготовил на
 жертву обьятый // Страхом народ; и, усердно молясь Посейдону-владыке, // Все феакийские
 старцы, вожди и вельможи стояли // Вкруг алтаря...» И вот в довольно живописной скале –
 островке Коловри у Палеокастрицы и видят тот самый окаменевший корабль; при этом прихо-
 дится домысливать, исходя из текста и всего происшествия, что именно в Палеокастрице была
 столица феаков. Поэтому большую популярность обрела версия, что окаменевший корабль
 находится как раз недалеко от так называемой Старой Керкиры – античного города, распо-
 ложенного совершенно рядом с ныне существующим городом Керкирой. На юге последнего –
 местечко Канони (названное так из-за стоящей там на почетном месте ушаковской пушки –
 по-гречески κανόνι), напротив него – островок с Влахернским монастырем, а чуть поодаль –
 островок Пондикониси (с переводе с греческого лонтикός, лонτίκι – «мышь», а лонτικίσιος –
 «мышиный») с поздневизантийским храмом (обо всем этом позднее будет сказано подроб-
 нее) – вот якобы этот мышиный остров и есть окаменевший корабль феаков. Главное, на своем
 месте, рядом с античной столицей. Однако нельзя не отметить, что сочетания западного побе-
 режья прибытия Одиссея и восточного града Алкиной на месте нынешней столицы острова не
 происходит, иначе бедной царевне Навсикае пришлось бы отправляться на стирку белья попе-
 рек всего острова... Наконец, Прокопий говорит о третьем месте – очевидно, Кассиопи, где,

как надо понимать из текста, в его время (VI век н. э.), видимо, стоял искусственно созданный легендарный корабль (правда, во время Одиссея Кассиопи еще не существовало, ибо возникновение этого поселения относится, по разным версиям, к III–II вв. до н. э. (об этом см. ниже главы 8–9): «Корабль, сделанный из белого камня, который в земле феаков стоит у их берега, как некоторые думают, и есть тот самый корабль, который доставил Одиссея в Итаку, после того как феаки гостеприимно приняли Одиссея. Но этот корабль не монолитный, но составлен из многих камней и на нем высечена надпись, которая совершенно точно заявляет, что он поставлен одним из купцов в давние времена как посвящение Зевсу-Касию. Некогда жители этой страны почитали Зевса-Касия; поэтому и город, в котором стоит этот корабль, до этого времени называется Касопа».

Своеобразной данью древнегреческой мифологии стал дворец Ахиллион, выстроенный на острове в 1889–1891 гг. австро-венгерской императрицей Елизаветой (1837–1898 гг.), более известной, как Сисси. Само название говорит о том, что дворец посвящен любимому герою романтической супруги Франца Иосифа (1830–1916 гг., правил с 1848 г.) – Ахиллу, в трагической преждевременной смерти которого Сисси видела отражение такой же кончины своего единственного сына, кронпринца Рудольфа (1858–1889 гг., найден мертвым в охотничьем домике близ Вены вместе со своей любовницей венгерской дворянкой Марией Ветцерой), чей прах она перевезла в Ахиллион. Небольшое трехэтажное здание, построенное по проекту итальянских архитекторов Рафаэля Карито и Антонио Лади, причудливо сочетает венскую дворцовую архитектуру и классические греческие ордера. Также и отделка включала в себя многочисленные античные мотивы. Несмотря на то, что позднее дворец был фактически разграблен, кое-что уцелело – статуи античных богов Зевса и Геры при входе на лестницу, элементы отделки и отдельные предметы интерьера, часовня с богослужебными предметами, подаренными Сисси Папой Пием IX (1792–1878 гг., на кафедре с 1846), бюсты античных философов и писателей, статуи муз и Граций, ряд статуй снаружи, картина с Одиссеем и Навсикаей и, конечно же, шедевры, связанные с Ахиллом – картина «Триумф Ахилла» (или «Торжествующий Ахилл», 1892 г.) и статуя умирающего Ахилла в саду (1884 г., изначально находилась в Вене). «Одиссей и Навсикая» принадлежит кисти баварского художника Людвиг Фирса и отображает следующие строки Гомера: разбуженный игрой Навсикаи и ее служанок, «...из чащи кустов Одиссей осторожно // Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листьями // Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело. // Вышел он – так, на горах обитающий, силою гордый, // В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами, // Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает // Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый голодом, // Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам. // Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым // Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою. // Был он ужасен, покрытый морской засохшею тиной; // В трепете все разбежались врозь по высокому берегу. // Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина // Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость. // Стала она перед ним...»

На картине австрийского художника Франца Маца запечатлен эпизод, когда Ахилл объезжает стены Трои на колеснице, к которой привязан труп поверженного им в поединке величайшего троянского героя Гектора. Художник практически «дословно» следовал Гомеру: «... на Гектора он недостойное дело замыслил: // Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие // Сзади от пят и до глаз и, продевши ремни, к колеснице // Тело его привязал, а главу волочиться оставил; // Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая, // Коней бичом поразил; полетели послушные кони. // Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись, // Черные кудри крутятся; глава Приаида по праху // Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец // Дал опозорить ее на родимой земле илионской! // Вся голова почернела под перстию. Мать увидала, // Рвет седые волосы, дорогое с себя покрывало // Мечет далеко и горестный вопль подымает о сыне. // Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане //

Подняли плач; раздавались вопли по целому граду. // Было подобно, как будто, от края до края, высокий // Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!» Скульптура, изваянная немцем Эрнстом Густавом Хертером, изображает момент, когда смертельно раненный Ахилл, уже полулежа, пытается извлечь из пятки (единственного его уязвимого места) поразившую его отравленную стрелу троянского царевича Париса. В «Илиаде» это уже не описано, но было известно всей античной Греции – см. у Еврипида (ок. 480–406 гг. до н. э.) в «Гекубе»: «Отвечайте // К Ахиллову костру меня, колоть // Гекубу нет запрета вам. Не ею ль // Парис зачат, чья горькая стрела // Рожденного Фетидой уложила?», или, позднее, у Овидия в «Метаморфозах» (конец книги 12); прямо или опосредованно, с гибелью Ахилла был связан Аполлон, который либо умело направил стрелу Париса, либо сам убил греческого героя, приняв облик троянского царевича (см. у Софокла (ок. 496–406 гг. до н. э.) в «Филокете»: «Ужели смерть познал Пелеев сын? – Да, он убит – не человека дланью: // Его сам Феб стрелою поразил»).

10 сентября 1898 г. Сисси была заколота в Женеве итальянским анархистом Луиджи Лукени; овдовевший Франц Иосиф перевез останки сына Рудольфа с Корфу в Вену, а у Ахиллиона появился новый хозяин – германский кайзер Вильгельм II (1859–1941 гг., правил в 1888–1918). В соответствии со своим бурлящим немецким духом он переместил умирающего Ахилла с глаз подальше и воздвиг бронзового 5,5-метрового Ахилла-победителя работы немца Иоганна Гётца с надписью на пьедестале по-древнегречески: «Этого Ахилла, сына Пелея, установил повелитель великих немцев Вильгельм, для того, чтобы его помнили потомки» (в Первую мировую войну надпись сбили). Интересно было обнаружить данные, связавшие этот дворец с плаванием новейшего русского броненосного крейсера «Адмирал Макаров» в 1910 г., в написанной и изданной в 1912 г. в Кронштадте его офицерами книге о своем корабле. В разделе «Плавание крейсера «Адмирал Макаров» за 1908–1910 гг.» лейтенант фон Эссен записал: «20 апреля (1910 г. – *Е.С.*) крейсер снялся с якоря (с Фалерского рейда. – *Е.С.*) и вышел на Корфу, где пребывала любимый Шеф, Королева Греции (Ольга Константиновна. – *Е.С.*). 21 апреля под вечер крейсер отдал якорь на рейде цветущего острова, против дворца, на балконе которого Ее Величество встречала своего гостя. Пять суток, проведенных в Корфу, промелькнули мгновенно. Ее Величество изволила так милостиво и сердечно встретить свой корабль, что воспоминания об этих днях никогда не исчезнут из сердец личного состава «Адмирала Макарова». Ее Величество изволила неоднократно бывать на крейсере, присутствовала на воскресном богослужении, завтракала, совершила с командиром и офицерами экскурсии в роскошный парк дворца и во дворец Императора Вильгельма Ахиллеиона, приглашала во дворец и на торжественное богослужение во дворцовую церковь, где офицерам были отведены почетные места по правую сторону трона. 26 апреля Ее Величество перешла на яхту «Амфитрита», которая в 11 ч вечера снялась с якоря. «Адмирал Макаров» снялся одновременно и до рассвета конвоировал яхту. 28 апреля в 5 ч утра крейсер вошел в Судскую бухту на острове Крит». Крейсер зашел на Корфу и на обратном пути – «14 августа пришло приказание из России вступить в состав судов Балтийского отряда, находившегося в Средиземном море. Того же числа телеграфное предписание начальника бригады требовало выхода крейсера на Корфу для ожидания дальнейших распоряжений. Во исполнение этого предписания «Адмирал Макаров» вышел на следующий день. 19 августа, ночью, в назначенном randevу у острова Кацца в Адриатическом море состоялась встреча с отрядом. Головным шел линейный корабль «Цесаревич» под брейд-вымпелом Великого Князя Николая Николаевича, затем «Рюрик», «Богатырь» и концевым «Адмирал Макаров». Отряд шел в Антивари в Черногории на 50-летний юбилей Короля Черногории Николая I». Скоро, впрочем, стало не до парадных визитов, с началом Первой мировой войны «Адмирал Макаров» воевал на Балтике. Эта же война привела дворец кайзера на Корфу в упадок и разорение – в здании располагался госпиталь, предоставленный греческим правительством французским и интернированным на острове сербским солдатам, и морг; после войны – сиротский приют для армянских беженцев из

Турции, во Вторую мировую – вновь госпиталь, уже итало-немецкий, и вместе с тем штаб страны, потом казино, наконец, музей, созданный стараниями немецкого барона Рихтхофена... Многие были утрачены, официально распроданы и разворованы, но кое-что и осталось, да и барон очень активно осуществил поиски и выкуп покинувших было Ахиллион экспонатов, включая некоторые личные вещи императрицы и кайзера; нельзя не упомянуть о солдатском быте Вильгельма, который даже стул себе приказал сделать в форме седла. Так в относительно недавнее время древняя мифология переплелась с историей. К последней и настало самое время обратиться.

Глава 2

Заря керкирской истории, первые схватки с Коринфом и нейтралитет при походе Ксеркса на Элладу

Как пишет современный греческий историк Алкестис Специэри-Хорэми в своей книге «Ancient Kerkyra», Керкира была заселена уже в период палеолита (30 000—7000 гг. до н. э.), чему имеются археологические подтверждения, особенно в юго-западной части острова. Старейшее поселение Керкиры – Сидари – расположено на севере острова и датируется 6000 г. до н. э. Оно продолжало существовать в бронзовый век (3000–1000 гг. до н. э.), вместе с тем в то же время возникли поселения на северо-западной части острова – Кефали, Афиона и Эрмонэс. Оставляя в стороне полуполюгендарных феаков, зададимся вопросом, каким же было автохтонное население Керкиры до периода греческой колонизации? Вопрос непростой, учитывая расположение острова на своеобразном перекрестке греко-италийско-иллирийских культур. Однако кое-что по этому поводу прояснить можно. Отсутствие микенских поселений позволяет Специэри-Хорэми утверждать, что «...люди, жившие на Керкире в доисторический период, породили собственную оригинальную культуру, сходную с апулийской в Южной Италии и совершенно четко различающуюся от современной ей культуры Южной и Восточной Греции. Первыми обитателями [Керкиры], согласно древнему географу Страбону, были либурны, знаменитые моряки, возможно, иллирийского происхождения (пер. – Е.С.)». Действительно, Страбон пишет в связи с основанием Сиракуз в Сицилии: «Сиракузы основал Архий, который отплыл из Коринфа около того времени, когда были основаны поселения в Наксосе и Мегаре. Одновременно с Мискеллом прибыл в Дельфы, как передают, и Архий, а когда они спросили оракул, бог отвечал им вопросом: что они выбирают – богатство или здоровье? Архий избрал богатство, а Мискелл – здоровье. Таким образом, первому бог предоставил основать Сиракузы, а последнему – Кротон. И, действительно, случилось так, что кротонцы поселились в весьма здоровом городе... а Сиракузы достигли такого благосостояния, что имя жителей города вошло в поговорку о людях весьма состоятельных, гласящую: «Им не хватит и десятой доли достояния сиракузян». Когда Архий затем отплыл в Сицилию, он оставил Херсикрата из рода Гераклидов с частью своих людей помочь заселить современную Керкиру, прежде называвшуюся Схерией. Однако Херсикрат изгнал занимавших остров либурнов, сам заселил его, а Архий высадился в Зефирии. Там он нашел каких-то дорян, прибывших из Сицилии и отставших от тех, кто основал Мегару. Архий принял их к себе и вместе с ними основал Сиракузы».

Итак, есть основания утверждать, что исконными жителями Керкиры были либурны, отважные моряки и пираты – Секст Юлий Фронтин (ок. 30—103 гг. н. э.) в своем трактате о военных хитростях «Стратегемы» описывает такую проделку либурнов: «Либурны, занимая мелководье, выставили из воды только головы, внушив таким образом неприятелю представление, что там – глубокое место; преследовавшая их трирема села на мель и была захвачена»; в римском флоте был тип легкого боевого корабля под названием либурна, изобретение которого приписывалось этому народу. Страбон не совсем точен, «сменяя» их напрямую коринфянами. Была историческая эпоха – весьма непродолжительная, может, ее лучше даже назвать историческим моментом, в VIII в. до н. э. – когда Керкиру колонизировали жители города Эритры, что на острове Эвбея (греческий историк Катерина Канда-Кицу датирует эвбейскую колонизацию 775–750 гг. до н. э.). Единственный дошедший до нас античный источник, подтверждающий этот факт – работа Плутарха (ок. 46 – ок. 127 гг. н. э.) под названием «Греческие вопросы», где сказано: «11. Кто такие «испращенные»? Эретрийцы колонизовали остров Керкиру, а когда Харикрат приплыл с войском из Коринфа и победил их в бою, они взошли на корабли и отправились на родину. Однако соотечественники, прослышав о случившемся, не

пустили их в Эретрию и не давали сойти на берег, бросая из пращи камни. Не имея возможности ни убедить, ни осилить многочисленных и неумолимых сограждан, они отплыли во Фракию и заняли там место, где раньше будто бы жил Мефон, предок Орфея, и город свой назвали Мефона. А соседи прозвали переселенцев «испращенными». Частично это подтверждает тот же Страбон, упоминая, что на Керкире была местность под названием Эвбея. Свое поселение первые колонисты основали близ бывшей гавани Хилеан Старой Керкиры (ныне – озерцо-лагуна Халикиопулос близ аэропорта; вторая гавань античного города Керкира, названная в честь полумифического царя Алкиноя, ныне обратилась в сушу).

Описанное Страбоном поселение коринфян на Керкире относится к 734 г. до н. э. Изгнав эвбейцев, они обосновались на месте их поселения, впоследствии расширив его на современный полуостров Канони. Благоприятное географическое положение, о котором уже не раз был упомянуто ранее, не только привело к быстрому обогащению керкирян через торговлю, но и рождению мощного флота, что вполне логично. В довольно скором времени Керкира сама начала осваивать эпирское побережье, обустривая колонии. Такой экономический подъем, с одной стороны, подстегивал в Коринфе алчную страсть поживиться за счет столь внезапно разбогатевшей «дочки», но у той в свою очередь оказался весьма строптивый нрав, и корыстолюбивая назойливая опека «матери» была ей вовсе не нужна. «Отец истории» Геродот (ок. 484 – ок. 425 гг. до н. э.) прямо пишет: «С тех пор как коринфяне основали поселение на острове Керкире, они, несмотря на племенное родство, жили в постоянной вражде с керкирянами». 660 или 680 годом до н. э. датируется Фукидидом (ок. 460 – ок. 400 гг. до н. э.) первое военное столкновение флотов Керкиры и Коринфа, примечательное тем, что это была первая «классическая» морская битва греческого междоусобия: «Древнейшая морская битва, как нам известно, произошла у коринфян с керкирянами (а от этой битвы до того же времени (т. е. Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н. э. – *Е.С.*) прошло около двухсот шестидесяти лет)». Геродот предлагает нам следующий рассказ об одном из первых конфликтов Керкиры с Коринфом, связанных с именем коринфского тирана Периандра (ум. в 527 г. до н. э., правил с 627 г. до н. э.); для связности рассказа фрагменты повествования Геродота будут расставлены в иной последовательности, нежели у достопочтенного древнего автора.

«Когда Периандр убил свою супругу Мелиссу, то, кроме этой беды, поразила его еще и другая. Было у него от Мелиссы двое сыновей семнадцати и восемнадцати лет. Дед их по матери Прокл, тиран Эпидавра, вызвал юношей к себе и обласкал их (как это и естественно, ведь они были детьми его дочери). При расставании, провожая их, дед сказал: «Знаете ли вы, дети, кто умертвил вашу мать?» Старший юноша вовсе не обратил внимания на эти слова, а младший, по имени Ликофрон, принял их так близко к сердцу, что, возвратившись в Коринф, не здоровался с отцом, как с убийцей матери, не говорил с ним и не отвечал на его вопросы. В конце концов Периандр распалился на сына страшным гневом и изгнал его из дома. А, изгнав [младшего] сына, Периандр стал расспрашивать старшего, о чем с ними говорил дед. Тот рассказал отцу, как ласково с ними обошелся дед, а о словах Прокла при расставании не упомянул, так как не понял их смысла. Периандр же возразил на это: невозможно, чтобы дед не намекнул им на что-нибудь, и продолжал настойчиво расспрашивать сына. Наконец юноша вспомнил и передал ему слова деда. Периандр же понял смысл и пожелал в полной мере показать сыну строгость. Он послал вестника в дом, где жил изгнанный сын, и запретил [хозяевам] принимать юношу. Теперь, куда бы ни приходил Ликофрон, отовсюду его прогоняли, так как Периандр грозил [карой] людям, приютившим сына, и приказывал изгонять его. Так вот, постоянно гонимый, он, наконец, пришел в дом друзей, которые хотя и со страхом, но все же дали ему приют, как сыну Периандра. В конце концов Периандр повелел объявить через глашатая: всякий, кто примет [в дом] его сына или будет говорить с ним, должен уплатить священную пеню (определенную сумму денег) в святилище Аполлона. Поэтому-то никто не желал больше говорить с изгнанником или давать ему приют в своем доме. Да и сам Ликофрон уже не пытался больше

склонить кого-нибудь к нарушению отцовского приказа, но терпеливо выносил свою участь, скитаясь под портиками Коринфа. На четвертый день [после этого] Периандр увидел сына, немытого и голодного, и сжалился над ним. Подавив свой гнев, тиран подошел к Ликофрону и сказал: «Сын мой! Что тебе милее: твое нынешнее положение или власть и богатства, которые теперь мои, но будут твоими, если ты подчинишься отцовской воле? Ты, сын мой, наследственный владыка «блаженного» Коринфа, избрал, однако, жалкую жизнь нищего, восстав в гневе на того, кто менее всего должен вызывать твой гнев. Если, действительно, случилась у нас беда, из-за чего ты питаешь подозрение, то это также и моя беда: меня она касается ближе всего, потому что я ее виновник. Но теперь, когда ты изведаль, насколько лучше возбуждать зависть, чем сожаление, и что такое распалиться гневом на родителей и на владык, то вернись в отчий дом!» А Ликофрон только ответил отцу: отец должен уплатить священную пеню богу [Аполлону] за то, что разговаривал с ним. Тогда Периандр понял, как несправимо зло и как неодолимо оно в его сыне, и отослал Ликофрона на корабле с глаз своих в Керкиру, которая тогда также была ему подвластна. А, отправив сына, Периандр пошел войной на своего тестя Прокла, главного виновника его несчастий. Он завоевал Эпидавр и самого Прокла захватил в плен живым. Когда со временем, достигнув преклонного возраста, Периандр убедился, что не в силах больше управлять городом, он послал на Керкиру за Ликофроном, чтобы передать ему власть. Ведь своего старшего сына Периандр считал неспособным [к управлению] из-за его слабоумия. Ликофрон, однако, даже не удостоил ответом отцовского посланца. Периандр же, искренне полюбивший юношу, вторично послал за ним свою дочь, сестру юноши, думая, что тот хоть ее-то послушает. А та приехала и сказала: «Брат! Неужели ты предпочитаешь отдать власть в чужие руки и позволишь расхитить отцовское добро, вместо того чтобы возвратиться и самому владеть всем? Вернись домой, перестань терзать себя. [Ложная] гордость – это плохое качество. Не исправляй беду бедою. Многие ведь отдают предпочтение [гуманному] духу закона перед его буквой, но многие также, добываясь материнской доли [наследства], теряют отцовскую. Царская власть таит в себе опасности; ведь многие жаждут ее, а отец уже дряхлый старик. Не отдавай своего достояния чужим!». Так сестра приводила ему по отцовскому внушению самые веские доводы. А брат отвечал, что не приедет в Коринф, пока знает, что отец жив. Когда она передала такой ответ Ликофрону, Периандр в третий раз послал вестника объявить, что сам готов жить на Керкире, Ликофрон же должен приехать в Коринф и наследовать царскую власть. Сын согласился на это. Тогда Периандр стал готовиться к отплытию на Керкиру, а сын его – в Коринф. Однако керкиряне, услышав об этих замыслах, умертвили юношу, для того чтобы Периандр не приезжал на их остров. За это-то Периандр и хотел отомстить керкирянам».

«Периандр, сын Кипсела, отправил 300 сыновей знатных людей с острова Керкиры в Сарды к Алиатту для оскопления. Когда же коринфяне с этими мальчиками на борту пристали к Самосу, то самосцы, узнав, зачем их везут в Сарды, сначала научили детей искать убежища в святилище Артемиды, а затем не позволили насильно вытащить «умоляющих о защите» из святилища. А когда коринфяне не хотели давать детям пищи, то самосцы устроили праздник, который справляют еще и поныне. Каждый вечер, пока дети оставались в святилище как умоляющие о защите, самосцы водили хороводы и пляски девушек и юношей и во время плясок ввели в обычай приносить лепешки из сесама с медом, чтобы дети керкирян могли уносить их и есть. Это продолжалось до тех пор, пока коринфские стражи не уехали с острова, оставив детей. Затем самосцы отвезли детей назад на Керкиру». Историк философии Диоген Лаэртский (2–3 вв. н. э.) в биографии Периандра (как-никак, коринфский тиран входил в семерку тех самых знаменитых древнегреческих мудрецов вместе с Фалесом Милетским, Солоном Афинским, Биантом Приенским и др. (список варьировался) кратко пересказывает противостояние тирана с керкирянами (так что нет нужды его здесь приводить), добав-

ляя только одну новую деталь – что после того, как дети керкирцев были спасены самосцами, тиран «скончался от огорчения».

Интересно, что Периандр был не одинок среди тиранов, которых причисляли к легендарным семерым; в списках порой значились афинский тиран Писистрат и родосский тиран Клеобул. Причислялись они, конечно, не за тиранство, но за мудрые слова и мудрые дела – что отнюдь не означает, что все их слова и дела были мудрыми: ведь в одной из сентенций Периандр учил других сдерживать гнев, а сам? Так вот, Э.Д. Фролов пишет: «Тираны архаической поры, как правило, были выдающимися личностями... (Они осуществляли некоторые важные преобразования), постольку, конечно, поскольку этим обеспечивалась популярность их правления (отдельные административные реформы, меры по благоустройству городов, оборудование гаваней, координация колонизационного движения и проч.). При этом и государственная политика тиранов, и их личное поведение не были лишены – и в этом надо видеть знамение времени – известного, так сказать, частного рационализма. Недаром и их тоже, а не одних только законодателей и реформаторов, традиция изображает как людей, исполненных не только страсти и воли, но и выдающегося ума. Периандр и Писистрат по совокупности своей деятельности относились – по крайней мере некоторыми авторами – к числу семи мудрецов... (Правда), позитивный вклад тиранов в строение полисного государства, за немногими исключениями вроде Периандра, практически был ничтожен». Разумеется, причислять тиранов к мудрецам – практика порочная, и одним из первых против этого восстал велемудрый Платон (ок. 428–347 гг. до н. э.), выведя Периандра из собственного списка семерых древних мудрецов (в диалоге «Протагор») «...из-за своей ненависти к тиранам и тирании», по словам историка философии А.Н. Чанышева: явно Платон имел на то причины, безуспешно пытаясь построить из тирании сиракузских Дионисиев благодатное царство философов, за что Дионисий Старший продал надоевшего ему философа в рабство. С другой стороны, Платон «оставил» Клеобула... Но довольно об этом; к сожалению, древняя история Керкиры, насколько известно, весьма мало связана с историей античной философии, поэтому автор, воспользовавшись инцидентом с Периандром, немного злоупотребил вниманием благосклонного читателя, уклонившись в свои излюбленные дебри Философии. Вернемся к предметам куда более низким.

О постыдном промысле кастрации мальчиков свидетельствует тот же Геродот, рассказывая о мести педасийца Гермотима. Это случилось во время похода Ксеркса (519–465 гг. до н. э.) на Грецию (480 г. до н. э.). «Похвалив Артемисию, Ксеркс отослал своих сыновей с ней в Эфес. Ведь несколько его внебрачных сыновей было с ним в походе. Вместе с этими сыновьями царь отправил и их воспитателя Гермотима родом из Педас, самого главного из царских евнухов... Он отомстил за нанесенную ему обиду самой страшной мезтью, которую только я знаю. Гермотим был взят в плен врагами и выставлен на продажу в рабство. Купил его хиосец Панионий, который зарабатывал себе на жизнь постыднейшим ремеслом: он покупал красивых мальчиков, оскплял их, приводил в Сарды или в Эфес на рынок и там перепродавал за большие деньги. У варваров же евнухи ценятся дороже, чем неоскопленные люди, из-за их полной надежности во всех делах. Панионий оскопил уже много других мальчиков, так как этим ремеслом он жил, и, между прочим, и этого Гермотима. Впрочем, Гермотим не во всем был несчастлив: из Сард вместе с прочими дарами он прибыл к царю и спустя некоторое время достиг у Ксеркса наивысшего почета среди всех евнухов. Когда царь с персидским войском выступил в поход на Афины и находился в Сардах, Гермотим по какому-то делу отправился на побережье в Мисию, в местность под названием Атарней, где живут хиосцы. Там он встретил Паниония. Гермотим узнал Паниония и долго ласково беседовал с ним, перечислив сначала все блага, которыми ему обязан. Затем он обещал Панионию сделать в благодарность много добра, если тот переселится с семьей в Атарней. Панионий с радостью согласился на предложение Гермотима и привез жену и детей к нему. Когда же Гермотим захватил в свои руки Паниония со всей семьей, то сказал ему вот что: «О ты, добывающий себе пропитание самым

позорным ремеслом на свете! Какое зло я или кто-нибудь из моих предков причинили тебе и твоим? За что ты превратил меня из мужчины в ничтожество? Ты думаешь, конечно, что твое преступление осталось тогда сокрытым от богов? Но боги по закону справедливости предали тебя за твои нечестивые деяния в мои руки. Поэтому не упрекай меня за кару, которую я тебе уготовлю». После этой злобной речи Гермотим велел привести четверых сыновей Паниония и заставил его отрезать у них детородные члены. Панионий был вынужден это исполнить. А после этого Гермотим принудил сыновей оскотить своего отца. Так постигло Паниония мщение Гермотима».

Так, благодаря этому рассказу Геродота, мы подошли к 480 г. до н. э. За прошедшее с тирании Периандра время Керкира освободилась от ига коринфян и продолжала торговать и богатеть; к 580 г. до н. э. город Керкира украсился великим дорическим храмом Артемиды, руины которого находятся около византийской церкви святых Феодоров (именно так, Тирона и Стратилата) близ поместья Мон Репо. Центр города располагался на прежнем месте, в районе Палеополиса (Мон Репо) и Анэмомилоса (у гавани Алкиноя); жилые дома концентрировались на западной части полуострова Канони, а в восточной (опять же, все на месте нынешнего Мон Репо), на возвышенностях – стояли святилища Геры (одно из древнейших на острове, датируется 620–600 гг. до н. э.), Аполлона и иных божеств (например, неизвестно, кому был посвящен дорический так называемый «храм в Кардаки», возведенный около 510 г. до н. э. – вероятно, лучший по сохранности среди античных храмов Керкиры). Кладбище разрасталось и вышло за пределы города в современный район Гарица. В это же время был возведен храм Аполлона в Роде, на севере острова. Чуть позже город «опоясался» мощными стенами – северная отделяла полуостров Канони от основного массива острова, южная разделяла Канони на две неравные части, оставляя треть полуострова на мысу за своими пределами (линия южных стен проходила сразу за святилищем Диониса, оставляя за своими пределами малое святилище Артемиды); от северных укреплений остались нижняя часть так называемой Восточной башни в храме св. Афанасия (предположительно охраняла вход в гавань Алкиноя) и у Св. Феодоров высится руина башни Нэрандзиха (в византийское время тоже перестроенная в храм Богоматери). Отношения с бывшей метрополией были в основном нехороши, однако случалось, что керкиряне и коринфяне сражались не только меж собой, но и плечом к плечу – например, ок. 492 г. до н. э., когда спасли родственных им сиракузян от притязаний тирана сицилийского города Гелы Гиппократа (правил в 498–491 гг. до н. э.); да и позже, в 344 г. до н. э., когда коринфский полководец Тимолеонт (ок. 411 – ок. 337 гг. до н. э.) отправился бить на Сицилию местных тиранов и карфагенян, из 10 находившихся в его распоряжении кораблей два предоставили керкиряне. Назревающий же греко-персидский конфликт заставил керкирян призадуматься, как быть и что делать. Афиняне, собирая антиперсидскую коалицию, послали послов и на Керкиру, как свидетельствует Геродот. Там решили соблюсти нейтралитет и все возможные приличия, чем, конечно, мало кого провели: «Керкиряне... дали послам один ответ, а поступили вот как... Керкиряне тотчас же обещали им прислать помощь и объяснили, что не допустят гибели Эллады. Ведь если Эллада будет разгромлена, то их также ждет рабство в первый же день. Их долг поэтому всеми силами помочь Элладе. Таков был внешне благопристойный ответ керкирян. Когда же пришло время выступить на помощь, они изменили свое намерение. Правда, они снарядили 60 кораблей и, едва выйдя в море, подошли к Пелопоннесу и бросили якорь у Пилоса и Тенара в Лакедемонской области в ожидании, как и Гелон, исхода войны. Керкиряне не рассчитывали на победу эллинов, а, напротив, были убеждены, что персидский царь решительно одержит верх и станет владыкой всей Эллады. Поступили они так преднамеренно, чтобы потом сказать персидскому царю: «Царь! Хотя эллины и пытались склонить нас к этой войне (наша военная сила и флот весьма велики, и мы можем выставить больше всего кораблей, по крайней мере после афинян), однако мы не пожелали сражаться против тебя и не проявили к тебе враждебности». Такой речью керкиряне надеялись выиграть больше

других, что, как я думаю, пожалуй, им и удалось. Для эллинов же они сумели найти оправдание, которым и воспользовались. И действительно, в ответ на упреки эллинов, что они не оказали помощи, керкиряне отвечали: они снарядили-де 60 триер, но из-за этесийских ветров не смогли обогнуть Малею. Поэтому-то они и не прибыли к Саламину и вовсе не из трусости не участвовали в этой битве. Так керкиряне старались обмануть эллинов». В итоге «...из эллинов, живущих на той стороне [Ионийского моря], только одни кротонцы (из Италии. – *Е.С.*) пришли с одним кораблем на помощь Элладу в опасности. Начальником этого корабля был Фаилл, трижды победитель на пифийских состязаниях». При этом, правда, нельзя не учитывать один момент: налицо всего лишь одно мнение, и оно не то что может быть сознательно предвзятым, но, однако, надо твердо помнить, что галикарнасец Геродот вообще-то любил Афины и восхищался Периклом и его деятельностью, так что его «проафинская» позиция в описании этого инцидента весьма явно может проглядывать. Были даже какие-то советские стихи: «Если слепо верить Геродоту...» Поэтому мы и Геродоту верим, но и жить исключительно чужим умом тоже не собираемся.

В общем, картина получилась такова, что, к сожалению, для керкирцев в такой ответственный исторический момент своя рубашка оказалась ближе к телу, и остров стал лишь молчаливым свидетелем того, как герой Саламина Фемистокл (ок. 524–459 гг. до н. э.) из-за интриг завистников бежал через него во враждебное Персидское царство, как свидетельствует Плутарх в его жизнеописании – из Аргоса Фемистокл «...переправился в Керкиру; этому городу он когда-то оказал услугу. У них с коринфянами был спор. Фемистокла они выбрали в судьи, и он примирил враждовавших, решив дело так, чтобы коринфяне уплатили двадцать талантов, а Левкадой чтобы обе стороны владели сообща, как их общей колонией. Оттуда Фемистокл бежал в Эпир (как добавляет Фукидид, «керкиряне... объявили, что не могут оставить его у себя из боязни навлечь на себя вражду лакедемонян и афинян, и переправили его на близлежащий материк». – *Е.С.*) – и далее в Малую Азию, где жил в почете какое-то время – но герой не посрамил своей славы, и когда персидский царь хотел заставить его вести войска на предавшую его родину, он, со своей стороны, предпочел испить смертную чашу, нежели отплатить неблагодарной Отчизне тем же. Керкире же, вольно или невольно, вскоре выпала печальная роль втянуть всю Грецию в междоусобие Пелопоннесской войны, повергнувшей Афины в прах, и в которой тысячи греков почти 30 лет губили друг друга на радость персидскому царю».

Глава 3

Война с Коринфом за Эпидамн

Город Эпидамн (ныне – албанский Дуррес, он же в разные периоды истории и при разных хозяевах Диррахий, Дураццо и Драч) был основан в 627 г. до н. э. на иллирийском побережье как колония усилиями керкирцев при «формальном благословении» коринфян (об этом см. ниже у Фукидида; в то же время Керкира основала в Иллирии колонии Аполлония и Анакторий, а также в Левке (остров Санта-Мавра); будущее предоставило ему играть роль яблока раздора поначалу между его основателями, а позже, как оказалось, и для всего греческого мира. Но особая специфичность этого конфликта заключалась в том, что в нем, как в матрешках – один конфликт с породившими его целями и желаниями словно помещался в другом, более крупном, и имевшем уже свои цели и желания, тоже куда более масштабные. Поясним: пока Керкира готовится к схватке с Коринфом за Эпидамн, сама Керкира с ее прекрасными гаванями и положением становится предметом вождения не только Коринфа в союзе с Мегарами, но и Афин. Получилось, как всегда, по ленинскому принципу: «Политика есть концентрированное выражение экономики». После удачной войны с Персией хлебный рынок Малой Азии был для балканских греков практически закрыт; также стал проблемой ввоз малоазийских металлов, проследить который (с определенными перебоями, происходившими от войн) можно где-то с 1500 г. до н. э. вплоть до эпохи османской Турции. На Восток же через Малую Азию греки сбывали продукты своих ремесел. Итак, с развалом восточного рынка приходилось срочно переориентироваться на западный, в первую очередь итало-сицилийский. Оттуда как раз могли идти в Элладу зерно и металлы. Главным перевалочным пунктом при этом становилась, разумеется, Керкира. Также интересы Коринфа и Афин сталкивались по той же причине на севере, во Фракии и Македонии, что тоже не добавляло спокойствия греческому миру, равно как и политическое противостояние Афин, стремившихся к насаждению в греческом мире демократии, со Спартой, поддерживавшей там же олигархию. Говоря упрощенно, положение было, как накануне Первой мировой войны: все хотели воевать и надеялись на скорую и славную победу, нужно было только, чтоб к большому набору причин присоединился подбабующий повод. В 1914 г. «рвануло» Сараево, в 435 г. до н. э. – Эпидамн.

Нашим главным и весьма обстоятельным информатором по данному конфликту выступит Фукидид – весьма посредственный стратег, ставший блестящим историком, очевидец и участник Пелопоннесской войны. Цитаты из его труда будут обширны, однако мы полагаем, что всегда ценнее обратиться к первоисточнику, нежели делать переложения и пересказы; в том и ценность таких дошедших до нас немногочисленных свидетельств из Античности, что они вообще смогли «дойти» и через тысячелетия донести до нас живую мысль древних. Итак...

«Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн. В соседней области живут тавлантии – варвары иллирийского племени. Город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов, коринфянин, которого, по старинному обычаю, призвали из метрополии. В основании колонии приняли участие также некоторые коринфяне и другие дорийцы. С течением времени Эпидамн стал большим городом с многочисленным населением. Однако после многих лет междоусобных распрей город, гласит предание, понес тяжкий урон в какой-то войне с соседями-варварами и поэтому в значительной степени потерял свое былое могущество. Незадолго до этой войны народ изгнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на суше и на море. Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами. Об этом послы и просили, воссев как

молящие о защите в святилище Геры в Керкире. Керкиряне же не вняли просьбе послов, и те были вынуждены уехать, ничего не добившись.

Поняв, что им нечего ждать помощи от Керкиры, и не находя выхода из настоящего затруднения, эпидамняне отправили послов в Дельфы спросить бога, не следует ли им отдать свой город под покровительство Коринфа, как их второй метрополии, и постараться получить оттуда помощь. Бог в ответ повелел отдать город под покровительство коринфян и признать их верховенство. Тогда эпидамняне прибыли в Коринф и по велению оракула отдали свою колонию под покровительство коринфян, ссылаясь на то, что основатель их города происходил из Коринфа. Затем они сообщили изречение оракула и просили не оставить их в беде и оказать помощь. Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам. Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими. И действительно, керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаем почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях. И вообще выказывали коринфянам свое пренебрежение, так как в то время Керкира по богатству стояла наравне с богатейшими эллинскими городами, да и к войне была подготовлена лучше других. Керкиряне гордились своим весьма сильным флотом и тем, что когда-то прежде на Керкире обитали славные мореходы феаки (по этой-то причине керкиряне придавали особое значение флоту и действительно были достаточно могущественны: в начале войны у них было 120 триер).

Итак, имея все основания упрекать керкирян, коринфяне охотно направили в Эпидамн просимую помощь: они предоставили право всем желающим отправиться туда колонистами и послали гарнизон из ампракиотов, левкадян и собственных граждан. Выступили они по суше в Аполлонию (одну из колоний коринфян) из опасения, как бы керкиряне не помешали им переправиться морем. Весть о прибытии в Эпидамн поселенцев и гарнизона, а также о том, что колония отдалась под покровительство коринфян, вызвала на Керкире сильное раздражение. Керкиряне тотчас же отправили в Эпидамн 25 кораблей и вскоре затем вторую эскадру и, угрожая, потребовали вернуть изгнанников и отослать назад коринфский гарнизон и поселенцев (на Керкиру между тем прибыли изгнанники-аристократы из Эпидамна: ссылаясь на могилы предков и на родственные связи, они молили керкирян вернуть их на родину). Однако эпидамняне все-таки не подчинились; тогда керкиряне в союзе с иллирийцами выступили на 40 кораблях в поход на Эпидамн, везя с собой изгнанников, чтобы вернуть их силой. Расположившись станом перед городом, керкиряне объявили через глашатая: «Всякий эпидамнянин или чужеземец может по желанию беспрепятственно покинуть город; в противном случае с ними поступят как с врагами». После того как эпидамняне не подчинились приказу, керкиряне начали осаду города, расположенного на перешейке.

Лишь только коринфяне от прибывших к ним вестников из Эпидамна узнали об осаде, они стали готовиться к походу, вместе с тем они пригласили всех желающих на основе справедливости и равноправия участвовать в основании колонии в Эпидамне. Если же кто из желающих отправиться еще не готов к отъезду, то может остаться, внося в казну 50 коринфских драхм. Нашлось много как пожелавших ехать, так и внесших деньги. Затем коринфяне обратились к мегарцам с просьбой послать корабли для сопровождения на случай возможных помех со стороны керкирян. Мегарцы снарядили 8 кораблей, чтобы плыть вместе с коринфянами, жители Палы из Кефаллении – 4. Эпидавр, к которому они также обратились с просьбой, прислал 5 кораблей, гермионяне – 1, Трезен – 2, Левкада – 10, Ампракия – 9; у Фив же и Флиунта коринфяне просили денег, а у Элеи – кораблей без экипажей и денег. Сам Коринф снарядил 30 кораблей с тремя тысячами гоплитов.

Когда керкиряне узнали об этих приготовлениях, то прибыли в Коринф вместе с послами лакедемонян и сикионян (которых они взяли с собой) и потребовали от коринфян отозвать гарнизон и колонистов из Эпидамна, ибо у них нет права на Эпидамн. Если же коринфяне выставляют какие-либо притязания на этот город, то они, керкиряне, желали бы передать спор на суд тех городов в Пелопоннесе, с которыми обе стороны договорятся, и какой из сторон колония будет присуждена, та и должна владеть ею. Они согласны также предоставить решение дела дельфийскому оракулу. Войну они не хотят начинать. Если же коринфяне прибегнут к силе, заявили керкиряне, то они также будут вынуждены искать себе иных друзей, хотя бы и нежелательных, вместо тех, что у них есть теперь. Коринфяне же отвечали им: если керкиряне уведут свои корабли и варваров от Эпидамна, тогда они и будут обсуждать этот спор с ними. Но пока Эпидамн в осаде, им, коринфянам, не пристало здесь заводить тяжбы с керкирянами. Керкиряне возражали на это: если коринфяне уведут свои военные силы из Эпидамна, то они готовы сделать то же. Они согласны также на то, чтобы, оставаясь на прежних местах, заключить перемирие до решения дела в третейском суде.

Однако коринфяне не желали и слышать о подобных предложениях. Лишь только команда была посажена на корабли и союзники прибыли, они выслали вперед глашатая объявить войну керкирянам. Затем, подняв якоря, они на 75 кораблях с 2 000 гоплитов отплыли к Эпидамну, чтобы оружием решить спор с керкирянами. Командовали коринфской эскадрой Аристей, сын Пеллиха, Калликрат, сын Каллия, и Тиманор, сын Тиманфа, а во главе сухопутных войск стояли Архетим, сын Евритима, и Исархид, сын Исарха. Когда коринфская эскадра подошла к Актию в Анакторийской области, у входа в Ампракийский залив, где находится известное святилище Аполлона, керкиряне выслали навстречу глашатая в лодке с приказанием остановиться. Одновременно керкиряне начали сажать команду на свои корабли, отремонтировали старые суда, сделав их годными для плавания, и оснастили остальные. Когда глашатай передал, что их мирные предложения отвергнуты, керкиряне посадили команду на свои корабли (числом 80, потому что 40 кораблей осаждали Эпидамн) и в боевом порядке повернули на врага и вступили в сражение. Они одержали решительную победу, уничтожив 15 коринфских кораблей. В тот же самый день, по совпадению, керкирянам, осаждавшим Эпидамн, удалось принудить город к сдаче под условием, что чужеземцы будут проданы в рабство, а коринфяне в оковах будут ждать окончательного решения своей участи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.